
АНТИЧНОСТЬ

КАК ГЕНОМ ЕВРОПЕЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Античность как геном европейской и русской культуры

«Алетейя»

2016

УДК 008
ББК 71

Античность как геном европейской и российской культуры /
«Алетейя», 2016

ISBN 978-5-906792-48-8

Настоящая книга посвящена роли и значению античной культуры в истории европейской культуры. Специальный ее аспект – философское понимание античности от И. И. Винкельмана до современных мыслителей, включая русских теоретиков и историков Древней Греции и Рима. Книга рассчитана на студентов, изучающих гуманитарные науки, а также всех, кто интересуется европейской историей и философией.

УДК 008
ББК 71

ISBN 978-5-906792-48-8

, 2016
© Алетейя, 2016

Содержание

Предисловие	6
Философия	8
В.К.Кантор	8
1. Предварительные заметки к теме	8
2. Империя как европейская идея	10
3. Как иначе могла Россия вернуться в Европу?	18
4. Европейский национализм и Российская Империя	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

сост. В. П. Шестаков
Античность как геном европейской
и российской культуры

© Коллектив авторов, 2016

© В. П. Шестаков, составление, 2016

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

* * *

*У городов и стран – свои приметы
Конь и искусная езда – отличие фессалийца;
Узнаешь спартиата на войне ты,
А по обильным пиршествам – мидийца.
По бороде, завитой в кудри – сына
Ассирии, по косам – кельта, воина лесного,
А если спросишь, чем славны Афины,
Знай: их приметы – Человек и Слово.*

Константинос Кавафис

Предисловие

Античность – ориентир в безбрежном мире мировой истории. На неё равнялась вся европейская история во все эпохи. Она помогала разным странам в определении своей национальной идентичности, в понимании своего места в мире. В особенной мере античность играла в переходные периоды истории, когда утрачивалась историческая перспектива, ясность целей и направлений развития. Похоже, что такой период переживает Россия в наше время.

Для европейской истории античность всегда была предметом для подражания. Иногда это подражание превращалось в возрождение античной культуры, что дало повод назвать одну ее эпоху Ренессансом. В истории существовали различные попытки возрождения античности. По сути дела, вся история европейской культуры представляет собой цепь таких попыток. Не случайно Эрвин Панофский в своей книге «Ренессанс и ренессансы» доказывал, что возрождение античности не было привилегией периода 14-16 веков, что существовало много «возрождений», как удачных, так и неудачных. Этот процесс продолжается и сегодня, хотя он происходит в скрытой форме. Мы все больше узнаем об античной истории, все глубже и глубже понимаем ее смысл и характер ее культуры. Даже великий скептик философ Людвиг Виттгенштейн говорил, что *отдаляясь* во времени от прошлых эпох, мы *приближаемся* к более полному их пониманию.

Существует ли европейская цивилизационная идентичность? Ведь каждая европейская страна обладает своей историей, своими национальными и культурными отличиями. Мы полагаем, что такая идентичность существует, она заключается в общности корней, в той незримой связи с античностью, которая отделяет европейскую культуру от восточных и всяких других культур. Античность – это та граница, которая отделяет европейскую культуру от всякой другой культуры. И пока мы будем вновь и вновь обращаться к образу античности, к ее культурному наследию мы будем оставаться европейцами. Когда эта связь прервется, мы утратим идентичность с европейским миром и, как это уже было в Древнем Риме, погрузимся в чуждый нам мир мусульманской религии, всевозможных азиатских культов.

Настоящая книга посвящена античной культуре, той роли, которую сыграла она для развития европейской и, в том числе, Российской истории. Тема эта не новая. Со времен итальянских гуманистов, о ней постоянно пишут историки, филологи, писатели и поэты. Правда, в этой литературе превалирует филологический интерес, поскольку античная литература и древние языки издавна являются предметом университетского образования.

Настоящая книга представляет собой коллективную монографию, в которой представлены три главных подхода к античной культуре: 1) с точки зрения политической истории 2) с точки зрения философии культуры 3) с точки зрения теории и истории искусства. Мы полагаем, что только целостный подход позволит раскрыть основные черты античной культуры, а главное – причины той неистощимой энергии, с которой античность влияет на европейскую культуру, позволяет видеть в ней некую целостную идентичность.

Со времен И. И. Винкельмана античность представлялась идеалом, к которому всякая культура и искусства должна стремиться, если она хочет создать что-то новое и стоящее. Это понимание питало европейский классицизм, который создал архитектуру, построенную на фундаменте античной ордерной системы, с непременным использованием колонн, несущих на себе всю тяжесть нового социума. Но уже в 19-ом веке винкельмановское понимание античности подверглось разрушительной критике. Во главе этого движения стоял Фридрих Ницше, создавший новое представление об античности не как спокойного, музейного царства красоты, а как драматическое столкновение и борьбу различных начал. В результате античность предстала не как склад мертвых слепков и фрагментов античных храмов, а как живая, динамиче-

ская культура, основанная на принципе агона, т. е. соревнования, борьбы знаний и интеллектов.

Существует множество доказательств связи современной культуры с античным миром, но одно из них самоочевидно. Память об античности отразилась прежде всего во всех европейских языках. Научный мир до сих пор говорит на языке древности, ведь язык многих научных дисциплин, в особенности медицины, философии, антропологии, психологии до сих пор включает в себя латинские и греческие корни. Словарь политической науки до сих пор основывается на понятиях и терминах, которые родились в античной древности. Такие понятия, как «демократия», «республика», «монархия», «олигархия», «империя», «демагогия» родились в эпоху античности. Таков же характер современного философского языка, оперирующего античными понятиями «гносис», «гносеология», «логос», «эйдос», «этос», «софия», «философия», «катарсис», «эрос» и т. д. Язык – хранитель мысли. Язык древнего мира основательно врос в современное научное знание.

В еще большей мере память об античном мире хранит искусство, в особенности архитектура и живопись. Современные города по всей Европе все еще строятся на основе ордерной системе и с обязательным реликтом древней архитектуры – колоннадой. Античная мифология глубоко проникает в литературу, поэзию, драму и даже в кинематограф. Нет сомнения, европейская культура представляет диалог между греко-римским прошлым и современностью. Этот диалог проникает не только в науку, но и в быт, повседневность. Исследовать то, о чем этот диалог и как он сказывается на современной культуре задача настоящей монографии.

Проблема античного наследия и его судьба в современном мире рассматривается в книге в трех аспектах: философском, культурологическом и искусствоведческом. Впрочем, барьеров между этими подходами не существует и каждый из них прочно связан с другими. Остается сожалеть, что разрушение сектора и института помешали реализации некоторых важных аспектов исследования античности, в частности, связи русского изобразительного искусства и архитектуры с античным наследием. Оставляем эту важную тему нашим потомкам, если в будущем теория и философия культуры не будут совершенно уничтожены.

Настоящая книга написана сотрудниками сектора теории искусства Российского института культурологии. Этот сектор существовал в Институте более десяти лет. За это время сектор издал 9 коллективных и около 40 индивидуальных монографий, которые получили многочисленные положительные рецензии в прессе. Среди коллективных работ – «Россия и Запад: диалог или столкновение культур (2000), «Феноменология смеха» (2002), «Эрос и Логос» (2003), «Катарсис» (2007), «Путешествие как феномен культуры (2012), «Русская утопия» (2013). Большинство этих работ опубликованы в издательстве «Алетейя». По настоянию издательства в книгу включена статья Е. Меньшиковой, которая посвящена не античности, а «Утопии» Томаса Мора. Поскольку настоящая книга последняя в серии книг, изданных сектором теории искусства, мы предлагаем читателям эту работу сотрудника сектора в качестве Приложения.

Будем надеяться, что книга напомнит будущим поколениям о примерах варварского отношения к культуре, оставит память о тех авторах, кто, борясь за сохранение института, создал эту работу. Я благодарен всем ее авторам и надеюсь, что эта работа раскроет древние корни Российской культуры, ее связь с культурами других народов Европы.

Verba volant, scripta manet (лат.: Слова улетают, написанное остается).

Философия

В.К.Кантор

Демократия, деспотия, империя – наследие античного мира (российский путь)

1. Предварительные заметки к теме

Мыслители разных стран и направлений часто утверждали, что именно античные Греция и Рим предложили человечеству некоторые интеллектуальные и реальные политические модели государственного мироустройства. Маленькая Греция была окружена азиатским морем, а еще точнее, азиатскими деспотиями. Деспотия был образ жизнестойкости, которому античные греки противопоставили принцип демократии. Греки, как не раз писали исследователи, выделили идею космического порядка, покоящегося не на мощи верховного правителя, монарха, *басилевса*, но на понятии космоса, подчиняющегося закону, правилу (*nomos*). *Nomos* устанавливает для всех составляющих природу элементов (стихий), порядок в соответствии с которым ни один элемент не может осуществлять свою власть (*kratos*) над другим. На восточную деспотию греки ответили образованием полиса – города-государства, где все человеческие и политические связи были достаточно прозрачны. Становление греческой культуры было открытием все более широкому кругу людей и, в конце концов, всему *демосу* доступа в духовный мир, бывший ранее привилегией военной аристократии и духовенства (эпические произведения Гомера – первый пример такого рода процесса...).

Платон говорил, что из демократии почти неизбежно вырастает тирания как вариант деспотии: у него перед глазами тоже был опыт еще не избавившихся от традиционного сознания древнегреческих полисов. Демократия традиционных обществ чревата тиранией: XX век доказал это и на судьбе России, и на судьбе не до конца пронизанных личностным принципом стран Европы (Испании, Италии, Португалии и наиболее явно Германии). Дело в том, что демократия вообще как таковая, т. е. правление народа (греч. *demos* – народ + *kratia* – правление), чревата тиранией (после смерти Сократа эта проблема определила социальные идеи Платона), если она не обеспечена некими правовыми законами. Иронизируя над демократическими выборами государственных должностных лиц, киник Антисфен советовал афинянам принять постановление «считать ослов конями», когда это сочли нелепостью, он заметил, что афиняне «простым голосованием делают из невежественных людей – полководцев». Именно демократическая власть приговорила к смерти Сократа.

В платоновской «Апологии Сократа» Сократ говорит на суде афинянам, что он «приставлен» к Афинам, «как овод к лошади, большой и благородной, но обленившейся от тучности и нуждающейся в том, чтобы ее подгоняли. В самом деле мне кажется, что бог послал меня городу как такого, который целый день, не переставая, всюду садится и каждого из вас будит, уговаривает, упрекает. Другого такого вам нелегко будет найти, о мужи, а меня вы можете сохранить, если мне поверите. Но очень может статься, что вы, как люди, которых будят во время сна, ударите меня и с легкостью убьете, <...> и тогда всю остальную вашу жизнь проведете во сне, если только бог, жалея вас, не пошлет вам еще кого-нибудь»¹. В 70 лет был обвинен в развращении юношества путем отвержения старых богов и выдумывании новых. Был приго-

¹ Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 85.

ворен к смертной казни, но бежать отказался: «Хотя меня осудили и несправедливо, но тем не менее долг гражданина – повиноваться законам». Последний день провел в философских беседах, затем выпил цикуту и умер. Самым поразительным в его жизни была увенчавшая ее смерть, сделавшая его первым святым философского календаря. Он умер достойно и красиво. Древнегреческий мыслитель говорит своим судьям: «Даже если бы вы меня отпустили и при этом сказали мне: на этот раз, Сократ, мы... отпустим тебя, с тем, однако, чтобы ты больше не занимался этим исследованием и оставил философию, а если еще раз будешь в этом уличен, то должен будешь умереть. <...> То я бы вам сказал: <...> Я люблю вас, а слушаться буду скорее бога, чем вас, и, пока есть во мне дыхание и способность, не перестану философствовать»². Эта смерть подняла целую интеллектуальную бурю – плеяду слушателей и учеников, которые говорят нам на протяжении веков о значении учения Сократа и правды, за которую он отдал свою жизнь.

И два ученика Сократа – Платон и Ксенофонт попытались продумать такое государственное устройство, которое отвечало бы законам разума. Я имею в виду «Государство» Платона и «Киропедию» Ксенофонта. Все свои познания, утверждал Лев Шестов, все свое дарование Платон направил на один вопрос – понять и осмыслить смерть учителя. Удастся постигнуть тайну судьбы Сократа – будут оправданы жизнь и мироздание. Не удастся – придется отказаться от философии и как-нибудь доживать свои дни. Как писал Ясперс, Платону, как аристократу, политическая деятельность (к каковой он был определен согласно своему происхождению) казалась невозможной из-за нравственного запущения общества. Но все же это не совсем так. С попытками Платона не только в идее, но и на практике основать идеальное государство связано несколько забавно-грустных историй. Скажем, в Сиракузах, попав ко двору тирана Дионисия Старшего, он, потомок аристократов-тираноборцев, при помощи своего друга Диона, женатого на сестре тирана, пытается осуществить свою идею идеального государства. Дионисий заподозрил его в дурных намерениях и продал в рабство. Платона вывели на продажу в незнакомом городе – он не сказал ни слова. Случайно среди народа оказался Антикерид, ученик Аристиппа, ученика Сократа. Он узнал Платона, купил его и отпустил на волю. Афинские друзья Платона хотели возместить ему эти деньги – Антикерид ответил: «Знайте, что не только в Афинах умеют ценить философию». В 381 г. вернулся в Афины, основал Академию вблизи Афин у рощи посвященной мифическому герою Академу³. Друзья купили ему здесь усадьбу на деньги, которые не принял Антикерид. Потом его позвал Дионисий Младший, и он снова поехал в Сиракузы, но тот не принимал его идеалы, и философу пришлось снова уехать. И в 70 лет снова поехал туда, но снова пришлось даже бежать из Сиракуз. Цицерон говорил, что смерть пришла к нему, когда он писал.

В своем развитии человечество вышло на две формы правления, более разумно организирующие жизнь – на демократические и имперские принципы. Ни то, ни другое правление нельзя назвать идеальным. Если вспомнить рассказ Марка Твена «Как меня выбирали в губернаторы», то становится понятным, что ложь, клевета и проч. «компроматы», обрушивающиеся на вступающего в политику человека, – одна из издержек демократии. Стоит, однако, процитировать знаменитый афоризм У. Черчилля: «Демократия – самый худший вид правления, за исключением тех, которые были опробованы в другие времена... Но последние годы имперская тема не случайно в центре современной публицистики. Я остановлюсь на этой теме, постаравшись дать ее в историческом контексте.

Что есть демократическое государство, что есть либеральное государство? В новейшее время таковым считалась Великобритания. Все с этим согласны. Но почему-то забывается,

² Там же. С. 83.

³ Когда царь Тесей похитил в Спарте юную Елену и ее братья Диоскуры погнались за похитителем, Академ показал им, где спрятана их сестра. Поэтому, когда спартанцы разоряли Афины, они не тронули той пригородной рощи, где жил когда-то Академ. Это место осталось мирным уголком среди раздоров и бедствий.

что Великобритания была одновременно империей, считавшей себя единственной реальной наследницей Рима, хотя элементы восточного деспотизма, национализма и презрения к человеческой жизни всех неангличан, не попадавших под имущественный ценз, там тоже очевидны. Тем не менее, в Великобритании все жители были подданные, но одновременно и граждане. Испанская и португальская империи несли в себе слишком много ориентализма, отличались от Великобритании как Византия от Римской империи. Однако, на мой взгляд, в XIX веке настоящими наследниками Римской империи пытались стать Российская империя и Соединенные Штаты Америки. Сегодня возрождение имперских наднациональных принципов жизни можно видеть в Европейском Союзе. Но об этом позже. Пока же замечу, что Европа становилась Европой с помощью имперской идеи, а разваливалась в эпоху становления национализма.

Существенно понять, что Империя это структурное образование, предназначенное историей для введения в правовое, подзаконное и цивилизационное пространство разноплеменных и разнokonфессиональных народов. В известной мере похожую роль играют и восточные деспотии, будучи, однако, отражением в кривом зеркале европейских империй, хотя европейские империи хронологически возникли позже.

2. Империя как европейская идея

Почему империя – это европейская идея? Дело в том, что сама Европа возникает, как некая случайная мутация, как маленький островок в огромном азиатском море. Антропологи, кстати, утверждают, что белый цвет кожи – это тоже мутация, а не исходный окрас человеческой кожи. Праматерь человечества найдена в Африке. Но все эти вопросы – антропогенетикам. Я беру здесь некую данность, которая есть основа моих дальнейших рассуждений.

Каждое европейское открытие не что иное, как переформулированное, заново осмысленное уже бывшее в сокровищнице азиатской мудрости. Начиная с естественнонаучных и технических открытий (возьмем наугад общеизвестное – порох, компас, календарь, чтение звездного неба) и кончая весьма серьезным религиозно-философскими понятиями-образами (потоп, античный политеизм, культурный герой, спаситель рода человеческого), все это имеет прасуществование в азиатских культурах. Так и империя есть не что иное, как мутация восточной деспотии⁴.

Скажем, русский географ и философ истории Л. И. Мечников считал, что азиатские деспотии – просто ранние способы государственного объединения людей, собиравшихся в районах великих рек, группировавшихся вокруг проблемы орошения. Орошение с помощью тех ирригационных систем требовала невероятного количества рабского труда. Как правило, деспотии, угнетающие и подчинившие разные народы, придерживаются системы изоляционистской. «Эти культуры, – писал Мечников, – характеризуются беспримерным развитием деспотизма и обоготворением угнетателей. <...> Позднее деспотизм нигде не проявлялся в такой степени – ни в классических деспотиях Древней Греции, ни в абсолютных монархиях феодального и послефеодального периода в Европе. Наиболее жестокие цезари Рима, французский король Людовик XI, русский царь Иван Грозный лишь до некоторой степени, и то в исключительные моменты своей жестокости, приближаются к этим восточным деспотиям, под игом которых угнетенные племена считали себя за какой-то ненужный придаток, не имеющий

⁴ Ср. у Макса Вебера: «У Макиавелли есть предшественники в Индии. Однако ни в одном учении о государстве, возникшем в странах Азии, нет ни систематики, подобной Аристотелевой, ни рациональных понятий вообще. Несмотря на все то, что сделано в области права в Индии (школа Мимансы), несмотря на ряд обширных кодификаций, созданных преимущественно в Передней Азии, и на появившиеся в Индии и других странах сборники обычного права, здесь нет того, что позволило бы говорить о рациональной теории права, нет строго юридических схем и форм юридического мышления, присущие римскому и сложившемуся на его основе западному праву. Феномен, подобный каноническому праву, – также порождение Запада» (Вебер Макс. Предварительные замечания // Вебер Макс. Избранные произведения. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 45).

никакой ценности и прав»⁵. Все же это не было простым этапом, ибо рецидив восточного деспотизма оказывался возможным в весьма цивилизованных странах Запада, возвращавшихся к принципам азиатских деспотий⁶. Можно без колебаний сказать, что ген восточного деспотизма существует в каждой культуре и при благоприятных для него обстоятельствах может проснуться и поглотить полностью тот культурный организм, в котором он существует.

Следующий этап, по Мечникову, – это уже средиземноморские цивилизации⁷, которые не отгорожены от мира. Но дело-то в том, что новые цивилизации существуют параллельно, и, скорее, это не этап, а преодоление, переструктурирование старых азиатских систем. Возникает новый тип великого государства, начиная с Александра Македонского – это европейские империи. Дело в том, что с момента осмысленного своего существования, когда человечество начинает собираться в большие группы, возникает необходимость и сопутствующая ей идея собрать человечество «в едино стадо» (воспользуемся выражением Достоевского). Страдавший от раздробления Италии, великий Данте вполне отчетливо проговаривал эту идею: «Род человеческий тогда наиболее един, когда весь он объединяется в одном, а это может быть не иначе как тогда, когда он всецело подчинен единому правителю, что очевидно само собою. Следовательно, род человеческий, подчиненный единому правителю, в наибольшей степени уподобляется Богу, а потому в наибольшей степени отвечает Божественному намерению»⁸. Разумеется, Данте имел в виду не деспотический, а имперский принцип, именно вслед за его понимаем империи следовали в России Тютчев и Вл. Соловьев. О дантовском понимании империи стоит привести слова одного из крупнейших специалистов в исследовании этой эпохи: «В условия исторической реальности XIV в. Данте виделась лишь одна возможность объединения раздираемой внутренними распрями Италии – признание всеми итальянскими областями и коммунами единой власти императора Священной римской империи. Заботой Данте о судьбах Италии и Европы объясняется та жестокая казнь, которой он подверг Кассия и Брута, поднявших руку на создателя Римской империи»⁹. Замечу, что Данте восхищался строками Боэция о размерах Римской империи:

Народами повелевал, которых Феб
Не мог бы охватить единым взором
От часа, на востоке как вставал,
До часа, когда в море неоглядном
На Западе гасил лучи златые.
Народами, что под семью звездами
В просторах обитали ледяных,
И теми, коих Нот сжигал в пустынях¹⁰.

Первыми на этом пути стоят гигантские азиатские деспотии, строящиеся на «азиатском способе производства», то есть общинном, где все разрозненны и объединены не общим смыслом, а невиданным ни раньше, ни позже насилием, где правом думать и принимать решения

⁵ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М., 1995. С. 204.

⁶ См. об этом: Wittfogel Karl. Die orientalische Despotie. Eine vergleichende Untersuchung totaler Macht. Kiepenheuer & Witsch. Köln, Berlin. 1962.

⁷ Мечников вообще-то задолго до современных геополитиков говорил о трех фазисах исторического развития – речной эпохе, морской эпохе и эпохе океанической, или атлантической, которая, по его мнению, определит собой будущее человечества.

⁸ Данте Алигьери. Монархия // Де Алигьери. Малые произведения. СПб., 1996. С.356.

⁹ Голенище-Кутузов И. Н. Данте и мировая культура. М.: Наука, М.СМ.LXXI (1971). С. 71.

¹⁰ Боэций. «Утешение Философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990.С. 218-219. См. об этом: Данте Алигьери. Монархия. С. 397.

обладает лишь один человек. Все остальные жители страны не имеют никаких прав, но и владыка подчинен сам своему произволу, который прямо противоположен свободе. Такова структура, вырастающая над общинным азиатским миром. Как полагал еще Гегель, в восточных деспотиях вроде бы свободен один человек – деспот, а в Греции и Риме число свободных увеличивается и расширяется: «Восточные народы <...> знают только, что *один* свободен, но именно поэтому такая свобода оказывается лишь произволом, дикостью <...>, случайностью природы, произволом. Следовательно, – пояснял он, – этот один оказывается лишь деспотом, а не свободным человеком»¹¹.

Древняя Греция строилась на иных основаниях. Эти основания и послужили первопричиной указанной мутации. Там впервые появляется свободный самодостаточный человек, гражданин полиса, полисы при этом составляют Грецию, не являясь единой политической системой. Именно на этой структуре вырастает первая европейская империя, имеющая очень краткие сроки существования, империя Александра Македонского. Но впервые в мире это образование несет идею не подавления, а примирения противоположных – азиатских и европейских – смыслов. Это была первая имперская попытка в отличие от азиатских деспотий, она рождена античной культурой, лежащей в основе европейского проекта. Эта попытка не могла не восхищать мыслителей самых разных направлений. Так П. Савицкий, будущий идеолог евразийства, писал: «В античном мире можно указать несколько империалистических образований с подобным положительным всемирно-историческим значением: таковы римская империя и эллино-македонская держава Александра Великого, распавшаяся затем на царства его полководцев-преемников. Великое предприятие Александра имело несомненно целью, осознанной Александром, обновление культуры Востока – Египта, Вавилонии, Персии – путем слияния ее с культурой Эллады. «Империализующей» нацией были эллино-македонцы; эллины дали культуру, македонцы – политические средства к образованию новых империалистических целых. В результате создалась «эллинистическая» культура, игравшая в конце античной эпохи и в средние века для стран между Ассуаном и Владимиром такую же роль, как римская культура для стран Западной Европы»¹².

На этой идее, как видим, вырастает культура всепримиряющего эллинизма, питательная почва христианства. Правда, Александр, хотя и намеревался идти в Индию, остановился в Персии, образовании, надо сказать, промежуточном между восточной деспотией и европейской империей. Древние греки даже пытались в персидском политическом устройстве найти некую идеальную модель, именно так прочел Персию в своей «Киропедии» Ксенофонт, второй знаменитый ученик Сократа.

Империя немыслима без правового сознания, немыслима при националистическом пафосе. Мы кусаем локти, говоря о гибели советской империи, называем сталинизм имперским, забывая, что на просторах истории всегда шла борьба западных империй и восточных деспотий. Чем же отличалась европейская империя от восточной деспотии? Реальный исторический пример – это Римская империя, просуществовавшая несколько столетий, родившая сотни продолжателей, и сотни тысяч толкователей. В толкователи мы не пойдем, остановимся на принципах ее существования, важных для нашего рассуждения. Замечу, забегая вперед, что, конечно, рецидивы азиатского деспотизма бывали и в Риме (достаточно вспомнить Калигулу и Нерона). Но как им и не бывать, если Рим – это первая попытка собрать человечество не только на основе насилия. Империя – это некая мутация восточной деспотии, которая, оставляя базовую основу власти одного, привносит некое добавление – закон, защищающий в лучшие годы империи права и собственность граждан. Именно проблемой Рима и Римской империи закан-

¹¹ Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. Изд. второе. Перевод А. М. Водена. СПб.: Наука, 2005. С. 71.

¹² Савицкий П. Н. Борьба за империю // Империя и нация в русской мысли начала XX века. / Составление, вступ. статья и примеч. – С. М. Сергеев. / М. ... 2004. С. 268.

чивается античная цивилизация, этот первый акт европейской драмы. Как писал С. Аверинцев: «Историческим итогом античности, ее концом, ее пределом оказалась Римская империя. <...> В пространстве рубежи империи совпадали с границами обширного культурного региона, но по идее они совпадали с границами человечества, чуть ли не с границами мироздания – того самого “Зевсова полиса”, о котором говорил Марк Аврелий, глава империи и философ империи в одном лице»¹³.

Империя впервые вводит в единое целое государства три лучших принципа правления, указанных Аристотелем, соединяет их – монархию, аристократию и политию. Макиавелли, обращаясь к опыту Рима, именно это тройное разделение властей видел в основе римского правления. Хотя цари в Риме, – писал он, – утратили власть, «их преемники устроили из города скорее звание царя, а не образ правления, назначив вместо него двух консулов; республикой управляли консулы и Сенат, то есть налицо были два вида власти из трех вышеупомянутых, а именно принципат и оптиматы. Оставалось только уделить место народной власти, и когда заносчивость римской знати превысила всякую меру, о чем будет сказано ниже, народ восстал против нее, и зная, чтобы не утратить всё, была вынуждена уступить народу его долю. В то же время Сенат и консулы оставались в такой силе, что сохраняли свое значение в республиканских органах власти. Так после введения должности народных трибунов римское государство упрочилось, соединяя в себе все три рода правления»¹⁴. Впоследствии консулов сменил император, но тем самым лишь ближе подошел к формуле Аристотеля.

Европа имеет много идей. Идея империи – одна из них, и не самая плохая. Там, где деспотии сбивали народы в единое стадо, пытаясь преодолеть их первобытную жестокость жесткостью деспотической, империи пытались ввести молодые и дикие еще народы в правовое поле, приучало к неким цивилизованным нормам поведения. Попробуем сформулировать: империя – это политико-общественное структурное образование, предназначенное историей для введения в подзаконное и цивилизационное пространство разноплеменных и разноконфессиональных народов. И. Гердер писал об этнополитическом состоянии средневековой Европе, как бесконечном хаосе: «Ведь некогда вся Северная Европа была ничем не лучше Сибири и Монголии, этой прародительницы монгольских орд; и здесь и там кочевым народам было присуще, было наследственно свойственно медленно, лениво передвигаться с места на место, управляться ханами. А если, сверх всего этого, Европа к северу от Альп, очевидно, представляет собою опустившуюся плоскую равнину, которая простирается от той самой населенной народами татарской возвышенности на Запад вплоть до океана, следовательно, представляет собою равнину, на которую должны были низвергаться, изгоняя отсюда других, находящиеся ближе к Западу орды, как только одни варварские орды начинали теснить другие, то тем самым длительное татарское состояние Европы было, так сказать, задано географически. Вот такая неприятная, на наш взгляд, картина заполняет на целую тысячу лет и долее того всю европейскую историю»¹⁵.

Но идея империи никогда не умирала в западноевропейском сознании. Именно она противостояла разнузданности варваров. Карл Великий строил империю, чтоб европеизировать германских варваров, убедить их, что они римляне. «На Западе Римская империя, – писал Аверинцев, – перестала существовать “всего лишь” в действительности, в эмпирии – но не в идее. Окончив реальное существование, она получила взамен “семиотическое” существование. <...> Знаком из знаков становится для Запада многократно разоренный варварами город Рим. Когда в 800 г. Запад впервые после падения Ромула Августа получает “вселенского”

¹³ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 114.

¹⁴ Макиавелли Николо. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Николо. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002. С. 18–19.

¹⁵ Гердер И. Г. Идея к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 475.

государя в лице Карла Великого, этот король франков коронуется в Риме римским императором руками римского папы. “Священная Римская империя германского народа” – это позднейшая формула отлично передающая сакральную знаковость имени города Рима. Это имя – драгоценная инсигния императоров и пап»¹⁶.

Европейскость этой идеи доказывает парадоксальным образом текст Канта, мыслителя, жившего в раздробленной Германии, когда сошла на нет Священная Римская империя германцев. Парадоксальным, ибо Кант нигде не произносит слово «империя», хотя думает о правовой защищенности разных народов внутри единого государственного образования. Необходимое человечеству государственное устройство, полагал он, может быть реализовано лишь во всемирно-гражданском состоянии, чего можно ожидать только от «союза народов». Вступить в него и «выйти из не знающего законов состояния дикости», а тем самым преодолеть антагонизм не только между отдельными людьми, но и между отдельными государствами, антагонизм, порождающий непрекращающиеся войны, – это задача человечества.

Прочитав, ибо это прямо к сегодняшним спорам об империи, о возможном всемирном государстве. «Воздействие, которое потрясение каждого государства в нашей, благодаря промышленности столь тесно спаянной части света, оказывает на другие государства, так заметно, что эти государства под давлением грозящей им самой опасности, хотя и без законного основания, предлагают себя в качестве третейских судей и таким образом издалека готовятся к будущему великому государственному объединению, примера для которого мы не находим [нигде] в прошлом. Несмотря на то, что в настоящее время имеется еще только весьма грубый набросок подобного государственного объединения, все же у всех его членов начинает пробуждаться чувство, что каждому удобно сохранение целого; и это вселяет надежду на то, что после нескольких преобразовательных революций наступит когда-нибудь, наконец, такое состояние, которое природа наметила в качестве своего высшего замысла, а именно – всеобщее *всемирно-гражданское состояние* как лоно, в котором разовьются все первоначальные задатки человеческого рода»¹⁷.

Думаю, что Кант в этой идее опирался на реальный исторический опыт Римской империи. Похоже, он мечтал о чем-то вроде европейской империи, федеративном имперском принципе, вроде сегодняшнего ЕС. Стоит вчитаться в его текст: «Если начать с *греческой* истории как такой, благодаря которой всякая другая, более древняя или современная ей, сохранилась для нас или, по крайней мере, может быть засвидетельствована, – если проследить влияние греков на образование и разложение государственного устройства *римского* народа, поглотившего греческое государство, и влияние римлян на *варваров*, которые в свою очередь разрушили римскую империю, и так далее вплоть до нашего времени, и к этому в качестве *эпизодов* присоединять государственную историю других народов, в той мере, в какой сведения о них постепенно доходили до нас через эти просвещенные нации, – то в нашей части света (которая, вероятно, станет законодательницей для всех других) будет открыт закономерный ход улучшения государственного устройства»¹⁸. Именно Европа для него ориентирована на создание всемирного правового государства, как было некогда в римской империи.

Тема Рима бесконечно преследовала русских мыслителей. Считая, что падение Рима было исторически закономерным и неизбежным, столь же неизбежным русские славянофилы считали «закат Европы». В связи с ранними, еще российскими, рассуждениями о «закате Европы» и уподоблением этого процесса гибели «Древнего Рима» (у славянофилов и Герцена) Чернышевский предлагает свою схему исторического процесса, весьма независимую и отлич-

¹⁶ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. С. 115–116.

¹⁷ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. I. М... 1994. С. 115.

¹⁸ Там же. С. 119.

ную от гегелевской. Не вдаваясь в анализ общих положений этой концепции, отметим только, что Чернышевский весьма резко делит историю человечества на период цивилизованный и варварский. Варвары и цивилизованные люди, разумеется, могут сосуществовать во времени и пространстве, более того, варвары, которые отождествляются Чернышевским со стихийной природной силой (наподобие наводнения, потопа, урагана или землетрясения) вполне могут разгромить народ цивилизованный (как германцы Древний Рим), точно так же, как молния может убить человека. Но Чернышевский сомневался, могут ли варвары привнести новое, прогрессивное начало в историю.

Так, повторяя Гегеля, даже славянофилы говорили о германцах, что с ними пришло в историю понятие свободной личности. Чернышевский в образе жизни германцев не видит разницы с аналогичными военными обычаями других варварских племен: «Вольные монголы и Чингиз-хан с Тамерланом, вольные гунны и Аттила; вольные франки и Хлодвиг, вольные флибустеры и атаман их шайки – это все одно и то же: то есть каждый волен во всем, пока атаман не срубит ему головы, как вообще водится у разбойников. Какой тут зародыш прогресса, мы не в силах понять; кажется, напротив, что подобные нравы – просто смесь анархии с деспотизмом»¹⁹. Отождествляя варварство с состоянием хаоса, разбоя, брожения, Чернышевский безусловно отрицал, чтобы это состояние общественной жизни могло выработать хотя бы самые отдаленные намеки на права отдельной личности, отдельного человека. Скорее, это заслуга народов цивилизованных и вне цивилизации право личности утвердить не удастся²⁰. Не случайно только спустя тысячу лет после падения древнего мира в Европе, в эпоху Возрождения, пробуждается личность, и связан этот процесс не в последнюю очередь с воскрешением разрушенной варварами античной культуры. Отсюда мыслитель заключал, что не стоит хвалиться варварством, нецивилизованностью, «свежей кровью», а надобно прежде просветить и цивилизовать свой народ.

Почему я называю империю идеей? Потому что деспотии складывались спонтанно, стихийно, следуя первобытным инстинктам о праве на силу. Европейские мыслители задумывались о принципах государственного устройства: как устроить государственную жизнь, чтоб избежать не только деспотии, но и любого насилия над личностью, чтобы было невозможно убить Сократа, – вот проблема Платона в «Государстве». В результате получилась гигантская ошибка, интеллектуальная провокация: вместо идеального государства – модель тоталитарного политического устройства, где Сократов убивали сотнями. Аристотель был куда реалистичнее. Он составил описания 153 государственных устройств античности. Он был учителем великого Александра, участвовал в его походах и присутствовал при рождении первой европейской империи. Поэтому Аристотель исходил не из того, что должно (как Платон), а из того, что возможно. На его схемы равнялась политическая мысль древнего Рима. Но оба великих грека сходились в необходимости, чтобы в основе политического устройства господствовал Закон. Свобода немыслима без закона. Пожалуй, это высшая точка в развитии европейской историософской мысли. Без закона наступает «война всех против всех»²¹, то состояние дико-

¹⁹ Чернышевский Н. Г. О причинах падения Рима // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. VII. М.: ГИХЛ, 1950. С. 659.

²⁰ «Средняя история», то есть, история становления европейских государств, писал Чернышевский, «кончается заменением феодализма централизованною бюрократиею или чем-нибудь подобным. А достигла эта централизованная бюрократия полного господства над феодализмом не раньше как в XVII веке; а в Римской империи эта форма уже господствовала в III веке; значит, целые 14 веков были потрачены на то, чтобы поднялась история хоть до той высоты, с какой низвергли ее варвары. Вот теперь и рассуждайте о благотворном влиянии завоевания римских провинций варварами. Вся благотворность этого события состояла в том, что передовые части человеческого рода низвергнуты были в глубочайшую бездну одичалости, из которой едва успели вылезть до прежнего положения после невероятных 14-вековых усилий» (Там же. С. 661).

²¹ Об этом весьма убедительно писал Гоббс, переживший английскую гражданскую войну: «Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно войной всех против всех. <...> Все, что характерно для времени войны, характерно также для того времени, когда люди живут без всякой другой гарантии безопасности, кроме той, которую им дают их собственная физическая сила и изобретательность. В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, мор-

сти, в которое время от времени впадает человечество, уничтожая всякое представление о свободе отдельного человека. Поэтому нельзя не принять строгости Гегеля: «Свобода как идеальность непосредственного и природного не есть нечто непосредственное и природное, но, напротив того, сперва нужно заслужить и приобрести ее, а именно посредством бесконечного воспитания, дисциплинирующего знание и волю. Поэтому естественное состояние оказывается скорее состоянием бесправия, насилия, вызываемых необузданными естественными влечениями бесчеловечных поступков и ощущений»²².

И по справедливому соображению Н. Бердяева, не придумавшего, а только удачно сформулировавшего основной принцип империи: «Лишь свободные граждане могут быть опорой империи. Большое количество бесправных, гонимых и всячески озлобляемых, представляет опасность»²³. Иными словами, империя немыслима без правового сознания, немыслима при националистическом пафосе. Троединое правление Рима, как полагал Макиавелли повторяет три лучшие формы правления по Аристотелю, император (монарх), сенат (аристократия), народные трибуны (*полития*, правление граждан, выбираемых на основе избирательного ценза), затем та же структура понемногу утверждается в Западной Европе: король, высшая палата, низшая палата – далее на Западе президент сменяет короля. Именно этот принцип правового правления искал в империи Данте: «Коллегии и республиканские учреждения типа сената Данте вслед за Цицероном считал теми формами, посредством которых народ выявляет свое отношение к событиям и правителям. Они являются рупорами общественного мнения и призваны следить, чтобы правители и наместники управляли справедливо. <...> “Государство”, “республика”, “империя” являются у Данте понятиями взаимозаменяемыми»²⁴.

Не случайно все последующие крупные европейские государственные структуры апеллировали к опыту Рима. Сошлюсь опять на Бердяева: «Мечта о всемирном соединении и всемирном владычестве – вековая мечта человечества. Римская империя была величайшей попыткой такого соединения и такого владычества. И всякий универсализм связывается и донныне с Римом, как понятием духовным, а не географическим»²⁵. Апеллировала к этому и Россия. Можно сказать, что именно идеальное прочтение Римской империи позволяло искать в ее судьбе *принцип* европейской цивилизации. Если истоками европеизма мы называем Античность и Христианство, то встреча их произошла именно в Римской империи. Об этом основательнее и убедительнее многих писал Аверинцев: «Объединив все земли средиземноморской цивилизации, Римская империя и впрямь была в некотором смысле миром. Римские власти долго преследовали раннехристианских проповедников, но расходились эти проповедники по свету дорогами, проложенными римскими солдатами. Даже в те времена, когда христиан бросали на съедение львам, христиане верили, что римский порядок – заградительная стена против прихода Антихриста. А когда наконец римский император Константин принял христианскую веру под свое покровительство, был пережит опыт, который никогда не повторялся впоследствии, но который властно определил средневековое сознание вообще и навсегда сформировал византийское сознание. Географическая зона действия римских законов, распространения греко-римской культуры и свободного исповедания христианской веры была одна и та же. Все высшие духовные ценности, как религиозные, так и светские, – Библия, передаваемая Церко-

ской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна» (*Гоббс Томас. Левифан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Томас. Соч. в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 96*).

²² Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. С. 91.

²³ Бердяев Н. А. Национализм и империализм // Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918. С. 116.

²⁴ Голенище-Кутизов И. Н. Данте и мировая культура. М., М.СМ.ЛХХI (1971). С. 70.

²⁵ Бердяев Н. А. Конец Европы // Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. С. 117.

вью, и Гомер, передаваемый школой, греческая философия, римское право и прочая, – какие только знал человек христианского ареала, содержались в границах одного и того же государства, в его рамках, в его лоне. За его пределами – мир одновременно иноверный (неверный), инокультурный (варварский) и к тому же незаконный, как бы и не мир, не космос, а хаос, «тьма внешняя». Двуединство Римской империи и христианской Церкви само себе мир»²⁶.

Но невероятное историческое влияние Римской империи связано было и с той, синхронной по времени ее существованию, возможностью распространить свои принципы на всю внятную в ту эпоху Ойкумену. На империю ориентировались окружавшие ее варвары, также и так называемые «галло-римляне», и сама империя не могла не чувствовать мощь энергичного излучения своего образа жизни, своей цивилизации, своего общественно-политического устройства. Недаром и после падения Рима варвары подражали ему, пока Карл Великий не короновался наконец короной римского императора. Как пишут современные исследователи, латинское *Imperium* происходит от глагола *imperare* (приказывать, господствовать) и означает повеления, власть, полномочия, а в римском праве – высшую распорядительную власть, включая военную, в пределах городских стен Рима ограниченную полномочиями других органов власти и политическими правами граждан: «С этим сопряжено и понятие об *Imperium* как империи именно в смысле определенной области: Римского государства в доступной его экспансии сфере, в некоторые периоды понимаемой как весь ведомый мир: круг земель, *orbis terrarum*. После падения Западной Римской империи общее именование сохранила за собой Восточная. Но и помимо этого империя продолжала жить как идея и возродилась в Европе как Священная Римская империя германской нации. Позже мы встречаем это еще несколько раз в истории Европы, когда – с использованием все того же латинского корня (у французов, англичан и русских), а когда и без него (у немцев). Граница во всех этих случаях была явственна как грань, отделявшая *от* других государств. И очень часто в имперскую идею была также вплетена мысль о безграничности, именно о круге земель, быть может, временно и неподвластных, но в принципе включаемых в сферу перспективной экспансии и в этом отношении до конца исчерпывающих ее»²⁷.

Разумеется, имперская идея не есть нечто универсальное, не есть панацея, помогающая «здоровому» становлению человечества (это в принципе невозможно), иначе такая империя была бы создана раз и навсегда. Таковой не стала империя Александра Македонского, распавшаяся сразу после смерти великого полководца. Шанс на то, что такой могла стать Римская империя, к концу своего существования усвоившая великую наднациональную религию – христианство, был очевиден. Именно христианство после падения Римской империи сыграло роль одного из создателей Европы как целостной идеи, именно оно хранило эту уникальную идею имперскости, идею единства человеческого рода. Великий немецкий романтик Новалис писал: «Были прекрасные, блистательные времена, когда Европа была единой христианской страной, когда *единое* христианство обитало в этой части света, придавая ей стройную человечность; единый великий общий интерес объединял отдаленнейшие провинции этого странного духовного царства»²⁸. Но универсальных лекарств человечество вообще не знает ни в какой области своей деятельности. Что немцу здорово, то русскому смерть, и наоборот. Тойнби даже считал, что универсальные государства являются как симптомами социального

²⁶ Аверинцев С. С. Другой Рим: Избранные статьи. СПб.: ТИД Амфора, 2005. С. 323.

²⁷ Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 99.

²⁸ Новалис. Христианство, или Европа // Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Ладомир; Наука, 2003. С. 134. Как писал в словарной статье «Христианство» Сергей Аверинцев, «универсально-цивилизующий характер Римской империи был созвучен вселенскому духу Х., обращаясь ко всем людям; раннехристианские общины, раскинутые по всей империи и за ее пределами, ощущали свое единство как члены «вселенской» Церкви, привыкшие думать о (мистических понятиях) судьбах всего мира» (Аверинцев Сергей. София-Логос. Словарь. К. 2006. С. 486).

распада; та и одновременно попыткой взять его под контроль, предотвратить падение в пропасть. Универсальными государствами английский историк называл империи и относился к ним без большой симпатии, не очень-то делая различия между евро пейскими империями и азиатскими деспотиями. Но и он признавал, что «в истории Римской империи, бывшей универсальным государством эллинского общества, мы постоянно встречаемся со всеобщей верой в бессмертие Империи и Города. <...> Слово “вечность” становится крылатым (например, вместо Рима поэты употребляют “вечный город”) не только по-латыни, но и на греческом, причем перед самым падением Рима. И даже после захвата и разграбления Рима Аларихом еще слышатся речения о вечности этого города»²⁹.

Тойнби словно не замечает, что речь здесь идет не об историческом факте, а об идее, которая преодолевает века, об отчаянной попытке человечества создать единый разумный мир, не безнациональный, а наднациональный. Не «без России и Латвий» (Маяковский), а с Россией и Латвиями, но в некоем духовном общем единстве. Именно поэтому варварские государственные образования, пытаясь преодолеть свою варварскую природу, находили рано или поздно деятеля, своего рода «культурного героя», который пытался имперски структурировать окружающее пространство. На Западе таким стал Карл Великий, в России – Петр Первый. Необходимо было подняться до христианского взгляда на мир, по которому нет ни эллина, ни иудея, а есть просто люди перед Богом. Более мощного преодоления национализма история человечества не знает. Именно эту проблему и решал Петр, как полагал Вл. Соловьев: «Когда, забыв истинное христианство Святого Владимира, московское благочестие стало упорствовать в нелепых спорах об обрядовых мелочах и когда тысячи людей посылались на костры за излишнюю привязанность к типографским ошибкам в старых церковных книгах, – внезапно в этом хаосе варварства и бедствий подымается колоссальный и единственный в своем образ Петра Великого. Отбросив слепой национализм Москвы, проникнутый просвещенным патриотизмом, видящим истинные потребности своего народа, он не останавливается ни перед чем, чтобы ввести, хотя бы насильственно, в Россию ту цивилизацию, которую она презирала, но которая была ей необходима»³⁰. По Соловьеву русская идея – самая христианская, более, чем у других народов, ибо заключается в идее *национального самоотречения*. Пожалуй, в этом можно усомниться, если быть реалистами, но на тот момент, момент петровских преобразований, некая подобная идея действовала, ибо только с опорой на это свойство русских людей мог Петр строить свою наднациональную империю. Так он возвращался в Европу, откуда Русь была отторгнута монгольским нашествием.

Но почему для возвращения в Европу он нуждался в имперском строительстве?

3. Как иначе могла Россия вернуться в Европу?

Любопытно, что прошедший европейскую школу первый самозванец явился в Московскую Русь с имперской идеей: «Стремясь закрепить успех, Лжедмитрий принял императорский титул. Отныне в официальных обращениях он именовал себя так: «Мы, непобедимейший монарх, Божьей милостью император и великий князь всея Руси, и многих земель государь, и царь самодержец, и прочая, и прочая, и прочая». Так мелкий галицкий дворянин Юрий (Григорий) Отрепьев, принявший имя Дмитрия, стал первым в русской истории императором»³¹. Но для построения империи мало назваться императором. Имя здесь лишь пустой звук, необходимо внести в страну европейские структуры, поэтому только после двадцати лет войн и строительства Петр был назван императором, и этот титул закрепился за его потомками.

²⁹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. Сборник. М.: Прогресс, 1991. С. 487.

³⁰ Соловьев В. С. Русская идея // Соловьев В. С. Соч. В 2-х тт. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 227.

³¹ Скрынников Р. Г. История Российская. IX–XVII вв. М., 1997. С. 408.

Более того, присвоить европеизм можно было только через идею империи, ибо это была корневая идея Европы³². Россия здесь не стала исключением. Римская империя была чем-то большим, чем просто государственным образованием, но символом того, как надо жить не-варвару. Это было пространство, необходимое для существования цивилизованного человека, поэтому так ласкало имя «Рим» слух русских европейских поэтов, или, по слову Мандельштама:

Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной!

Как замечал С. Аверинцев, «уже Тертуллиан, ненавидевший языческую Римскую империю, все же верил, что конец Рима будет концом мира и освободит место для столкновения потусторонних сил. Тем охотнее усматривали в существовании Римской империи заградительную стену против Антихриста и некое эсхатологическое “знамение”, когда империя эта стала христианской»³³. Соответственно, вся до-имперская русская жизнь воспринималась просвещенной Россией как жизнь варварская. Да, в борьбе за «старые обычаи» Петра Великого именovali «антихристом», но это прозвище осталось лишь в сознании противников петровского дела. Великая русская литература, как подлинная носительница христианских смыслов, литература от Ломоносова и Пушкина до Бунина и Ахматовой, полагала Петра борцом с адскими силами России. Более того, в сознании русской культуры именно Пушкин, «наше всё», оказался наиболее тесно связанным с Петром.

Идея о России как центре и хранителе всего христианского мира зазвучала не только в Москве (в знаменитой идеологеме старца Филофея «Москва – третий Рим»), но и в городе, который резонно полагал себя отцом русских городов, городе с иной, немосковской политической структурой, в республиканском Великом Новгороде, своего рода пра-Петербурге. Здесь не Москва, а вся русская земля называется третьим Римом. Это говорит о серьезных сдвигах в восприятии русскими людьми геополитической картины мира того времени, которая не вызывала радужных настроений. Новгород поэтому говорит о том же самом, что и Москва: «Ибо древний Рим отпал от христианской веры по гордости и своевольству, в новом же Риме – в Константинополе, притеснением мусульманским христианская вера погибнет также. И только в третьем Риме, то есть на Русской земле, благодать святого духа воссияет. Так знай же, Филофей (константинопольский патриарх. – В.К.; совпадение с именем старца Елиазарьевского монастыря кричащее и вряд ли случайное. – В.К.), что все христианские царства придут к своему концу и сойдутся в едином царстве русском на благо всего православия»³⁴. Любопытно, что весть эту приносят патриарху Филофею первый римский «папа Селивестр» (еще хороший, признаваемый православием), ибо крестил императора Константина и сам «благочестивый царь Константин Римский»³⁵, что говорит не только о религиозной благодати «Русской земли», но

³² Ср. у современных западных исследователей: «Идею Империи доносит до нас давняя, прежде всего европейская традиция, восходящая по меньшей мере ко временам Древнего Рима, благодаря чему политико-правовой образ Империи тесно переплелся с христианскими корнями европейской цивилизации. Здесь понятие Империи соединило правовые категории с универсальными этическими ценностями, определив их в качестве органического целого. Этот союз постоянно присутствовал в понятии Империи, несмотря на все превратности ее истории. <...> Особенность Империи – и в частности римской традиции имперского права – состоит в том, что она доводит совпадение и универсальный характер этического и юридического принципа до предела: Империя – это мир и гарантия справедливости для всех народов. Идея Империи предстает в образе глобального оркестра под управлением одного дирижера как единая власть, которая сохраняет социальный мир и производит этические истины. Для достижения данных целей единственная и единая власть наделена соответствующей силой» (*Хардт М., Негри А. Империя* / Пер. с английского Г. В. Каменской, М. С. Фетисовой. М.: Праксис. 2004. С. 25).

³³ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. С. 124.

³⁴ Повесть о новгородском белом клобуке // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М.: Художественная литература, 1985. С. 225.

³⁵ Там же.

и о ее грядущем имперском значении. Поэтому Петр выразил своим деянием – построением Санкт-Петербурга с ориентацией на Рим, город Святого Петра – как бы умонастроение не собственно московское, а всей русской земли, которая жила этим чувством и помимо Москвы.

Иван Грозный мог опираться на представление о себе как Рюриковиче, возводя свое происхождение к римским цезарям. «Люди средневековья представляли себе мировую политическую систему в виде империи со строгой иерархией. Королевства и княжества, составлявшие эту иерархию, занимали разные ее ступени. Принадлежность к единой христианской империи определяла харизматический характер власти монархов, нередко подкреплявшееся ссылкой на некое символическое родство с императорской фамилией. В Московской Руси широкое распространение получила легенда о римских предках царя. В XVI в. много сотен русских князей вели свой род от Рюрика, но лишь Иван IV раздвинул рамки генеалогического мифа и выступил с претензией на родство через Рюрика с римскими цезарями»³⁶. Петр на такой запас исторической легитимности не претендовал, хотя легитимнее его в тот момент в царской семье никого не было. Можно сколь угодно долго спорить, как было бы по-другому и хорошо без Петра Первого, но штука в том, что Петр – единственный законный наследник престола: Федор умер, Иван был слабоумный, что понимали все, Софья в московской системе ценностей царичей стать не могла (не женское это тогда было дело), только в постпетровское время появились императрицы. Кроме Петра кто бы законно взялся управлять Россией? Варианта не было.

Так что и спорить не о чем. Путь, им избранный, был путем законного правителя России.

Построение новой столицы более всего раздражало западных путешественников, особенно французов, по ощущению которых Европа кончается на Рейне. Что уж говорить о племенах живущих вдоль Волги и далее! Путешествуя в 30-е годы XIX века по уже могучей империи, перед которой дрожала Европа, наблюдательный французский маркиз, сказавший много точного о николаевском режиме, причину неурядиц увидел вдруг в петровском городе: «Чем дальше отъезжаешь от Петербурга и чем ближе подъезжаешь к Москве, тем глубже постигаешь величие бескрайних и изобильных просторов России и тем больше разочаровываешься в Петре I. Мономах, живший в XI веке, был истинно русский князь, Петр же, живший в столетии XVIII, по причине своего ложного представления о способах совершенствования нации, сделался не кем иным, как данником иностранных держав, подражателем голландцев, с дотошностью варвара копирующим чужую цивилизацию. Либо Россия не выполнит того назначения, какое, по моему убеждению, ей предначертано, либо в один прекрасный день Москва вновь станет столицей империи: ведь в этом городе дремлют семена российской самобытности и независимости. Корень древа в Москве, и именно там должно оно принести плод; никогда привою не сравняться мощью с подвоем»³⁷. По сути дела, он выразил славянофильскую оценку петровского дела, восторжествовавшую в большевистской революции³⁸. Отказ от Петербурга – отказ от империи, Москва не сумела стать империей, она была вариантом восточной деспотии. Именно маркизу Кюстину и презрению к русским, которые должны знать «свое место», защищая дело Петра, отвечал Пушкин:

³⁶ Скрынников Р. Г. Третий Рим. СПб., 1994. С. 87.

³⁷ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. В 2-х т. Т. 2. М., 1996. С. 126.

³⁸ Ср. у Г. П. Федотова: «Старая тяжба между Москвой и Петербургом становится вновь одной из самых острых проблем русской истории. Революция – столь богатая парадоксами – разрубила ее по-славянофильски. Впрочем, сама проблема со времени Хомякова и Белинского успела изменить свой смысл. Речь идет уже не о самобытности и Европе, а о Востоке и Западе в русской истории. Кремль – не символ национальной святыни, а форпост угнетенных народов Азии. Этому сдвигу истории соответствует сдвиг сознания: евразийство расширяет и упраздняет старое славянофильство. Но другой член анти-тезы – западничество – и в поражении своем сохраняет старый смысл. Дряхлеющий, зарастающий травой, лишенный имени, Петербург духовно живет своим отрицанием новой Москвы. Россия забывает о его существовании, но он еще таит огромные запасы духовной силы. Он все еще мучительно боится о России и решает ее загадку: более, чем когда-либо, она для него сфинкс. Если прибавить, что почти вся зарубежная Россия – лишь оторванные члены России петербургской, то становится ясным: Москва и Петербург – еще не изжитая тема. Революция ставит ее по-новому и бросает новый свет на историю двухвекового спора» (Федотов Г. П. Три столицы // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. В 2-х тт. Т.1. СПб.: София, 1991. С. 50).

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

А. С. Пушкин. «Стансы», 1826

Впрочем, и русские эмигранты-революционеры колебались в оценке Петербурга. В 1857 г. эмигрант Герцен в своем «Колоколе» издали так оценивал столицу Российской Империи: «Говорить о настоящем России – значит говорить о Петербурге, об этом городе без истории в ту и другую сторону, о городе настоящего, о городе, который один живет и действует в уровень современным и своеземным потребностям на огромной части планеты, называемой Россией»³⁹. Словно не было уже «Медного всадника», «Невского проспекта», петербургской поэмы «Двойник» – мощных составляющих «петербургского текста», означающих уже новую петербургскую культуру, увидевших Петербург в контексте русской и европейской истории. Особенно это относится, разумеется, к «Медному всаднику». Причем Герцен сам себе противоречит, говоря о контексте мировой истории, в котором пребывает Петербург: «С того дня, как Петр увидел, что для России одно спасение – перестать быть русской, с того дня, как он решился двинуть нас во всемирную историю, необходимость Петербурга и ненужность Москвы определилась»⁴⁰. Герцен вряд ли прав: движение во всемирную историю вовсе не означало необходимости перестать России быть русской, просто речь шла о тотальном отказе от изоляционизма, свойственного восточным деспотиям.

Задача Петра была, как понятно, совсем не простой. Он был вынужден обращаться к более широкому представлению о себе и создаваемой им новой России, России как империи. По словам одного из крупнейших сегодня исследователей петровских перемен, петровская пропаганда полностью отказывается от древнерусских представлений о праведном и неправедном властителе, противопоставляя им идею всевластного монарха, который является источником закона. Эта концепция восходит еще к законодательству Юстиниана, но переживает в деятельности Петра трансформацию: «Император оказывается не только верховной инстанцией в регламентации собственно юридических отношений (курсив мой. – В.К.), но и установителем любой нормы и любого порядка вообще – в том числе норм духовно-нравственных и культурно-поведенческих. <...> Харизматическое всевластие царя, утверждавшееся Иваном Грозным (и, видимо, скомпрометированное в качестве фундаментальной концепции Смутным временем и правлением Михаила Федоровича), при Петре институализируется, приобретая характер легального порядка, не имеющий соответствия в прошлом»⁴¹.

Предшествовавшие Петру русские правители, возводя свою родословную к римским цезарям, приглашая иностранных архитекторов и врачей, держа наемное европейское войско как личную охрану, вовсе не задумывались о перенесении европейских принципов на Русь, причем не просто современных, но именно сотворивших когда-то Европу как единое целое. Часто ссылаются на византизм Московской Руси, т. е. на влияние Второго Рима⁴². Откуда же

³⁹ Герцен А. И. Москва и Петербург // Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 33.

⁴⁰ Там же. С. 35.

⁴¹ Живов В. М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Живов В. М. Разыскания в области истории и предисории русской культуры. М... 2002. С. 425–426.

⁴² Особенно ярко у К. Леонтьева: «Византийские идеи и чувства сплести в одно тело полудику Русь» (Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарогъ, 1993. С. 32). Конечно, можно приводить сентенции Чаадаева или Вл. Соловьева о косности и цезаропапизме поздней Византии, которой наследовала Русь. Но гораздо сильнее было невольное, но по сути наиболее резкое соображение евразийцев (Н. С. Трубецкого), что ханская ставка переехала в Москву, которая выразила дальнейшей судьбой принципы монгольского права, став татаро-московской восточной деспотией. Да и сам Леонтьев более всего ценил Петра.

тогда зоркое есенинское о Москве: «Золотая дремотная Азия опочила на куполах...»?.. Тут, пожалуй, лучше дать слово одному из крупнейших евразийцев, который писал, что восточные традиции управления шли в Московскую Русь не только через Константинополь, но вполне прямым путем: «Московская мода на все восточное, прямое увлечение Турцией, впечатления, вынесенные от соприкосновения с татарскими завоевателями, наложили на Московское государство те чисто восточные черты, которые так поражали в нем путешествующих иностранцев»⁴³. Азиатство, как видно, из строки Есенина, сохранялось в самой стилистике московской и русской жизни. Вернуться в Европу для Руси было сложно. Возврат к европейской эпохе Новгородско-Киевской Руси был немыслим в реальности (позднее он был осуществлен в поэзии Пушкина, А. К. Толстого и др.), нужен был новый принцип, чтобы переварить и свое азиатское прошлое и вместе с тем усвоить достижения современной Европы. Характерно, что в XX веке многие писатели воспринимали Петербург не только как новый вариант *вечного города*, но как вполне национальную столицу, более национальную, чем Москва. В романе «Николай Переслегин» знаменитого русского философа и писателя Федора Степуна, изгнанного Лениным в 1922 г. из России вместе с другими выдающимися русскими мыслителями и писателями, есть такое рассуждение: «Какой великолепный, блистательный и, несмотря на свою единственную в мире юность, какой *вечный* город. Такой же вечный, как сам древний Рим. И как нелепа мысль, что Петербург в сущности не Россия, а Европа. Мне кажется, что, по крайней мере, так же правильно и обратное утверждение, что Петербург более русский город, чем Москва»⁴⁴.

Петр сумел отказаться от восточных деспотических мотивов предшествующего правления, будь они византийского или прямо азиатского происхождения, приняв принцип толерантности по отношению ко всем народам (в этом он совпадал с практикой боровшейся за конфессиональную свободу Голландией), как то было в древнем Риме. Это резко отличало его, скажем, от Ивана Грозного, который следующим образом вел себя с покоренными областями: «Призыв влиятельного советника царя, протопопа Сильвестра, всех мусульман и язычников Казанского ханства, если понадобится, так силой, обратить в христианство претворялся в жизнь. Мужское население Казани было уничтожено, мечети разрушены и на их месте заложены и построены православные церкви, хан и другие знатные татары были увезены в центр Московского государства и крещены; тех, кто сопротивлялся, топили»⁴⁵. Но еще важнее, что Петр на принципе толерантности построил разнообразное по стилистике государство – империю. И даже возникавшее неравенство было иного рода, чем прежде (Московию вряд ли можно назвать государством социального равенства и справедливости). Петр дал творческий импульс своим подданным, показав, что есть *шанс у каждого*, предложив принцип, на котором, скажем, строится американская демократия. Леонтьев писал: «До Петра было больше однообразия в социальной, бытовой картине нашей, больше *сходства* в частях; с Петра началось более ясное, резкое расслоение нашего общества, явилось то разнообразие, без которого нет творчества у народов»⁴⁶. По его мысли «деспотизм Петра» и «либерализм Екатерины» вели Россию к цвету, к творчеству, к росту.

В результате петровских преобразований, которые позволяли включать новые территории, не приходя в резкое столкновение с местной знатью, Россия стала державой, вполне соперничавшей территориально и по количеству населявших ее народов с Древним Римом. По свидетельству историков, почти каждый следующий император расширял пространство Российской империи. В известном советском фильме «Юность Максима» арестованный юный революционер-большевик слышит титул российского императора, звучащий вроде бы ирони-

⁴³ Алексеев Н. Н. Христианство и идея монархии // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. С. 60.

⁴⁴ Степун Федор. Николай Переслегин. Томск. 1997. С.175.

⁴⁵ Каппелер Андреас. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 26–27.

⁴⁶ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. С. 32.

чески, но вместе с тем показывающий ту мощь, с которой столкнулись большевики. Приведем этот титул: «Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский, Государь Псковский, и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский, и всея Северныя страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкесских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, и прочая, и прочая, и прочая»⁴⁷.

Надо сказать, что Россия вполне переняла умение Рима использовать и приручать знать покоренных народов. По точному соображению современного историка, с которым трудно не согласиться: «Стержнем российской политики в отношении присоединяемых народов была не национальная, а *социальная ассимиляция* (курсив мой. – В.К.), когда местные правящие верхи не уничтожались, не изгонялись, не лишались своего привилегированного положения (разумеется, всегда бывали и исключения), а включались в состав господствующих в России сословий, сохраняя, как правило, свою веру, свои особые права и преимущества. В обмен они обязаны были верно служить великому государю или, иными словами, России»⁴⁸. Поэтому наши современные историки полагают, что Великая Российская империя как мощное устойчивое образование до возникновения идеи нации и национального государства, была империей «не совсем национальной» (Д. Е. Фурман). Исследователь пишет: «Несмотря на очевидное доминирование русских и в населении, и в правящих слоях, идеологическая основа империи, источник ее легитимации были не в том, что это государство русского народа, а в том, что это империя династии Романовых. Правящая имперская элита XVIII и даже XIX веков была космополитична, отличалась пестротой национального состава. Только в эпоху Николая I, когда проникавшие постепенно с Запада идеи начали в какой-то мере подтачивать старые представления о легитимности, самодержавие стало использовать как дополнительный источник оправдания своего права на власть идею национальной, великорусской природы государства»⁴⁹. Речь идет об уваровской формуле «православия, самодержавия и народности».

Но если в Германии национализм служил *объединению* страны, то воспринятый Россией он стал основой разрушения Российской империи.

4. Европейский национализм и Российская Империя

Идея национализма пришла в Россию именно из Германии: от немецких романтиков⁵⁰; от Фихте, произнесшего в период французской оккупации свои знаменитые «Речи к немецкому народу», где и были им сформулированы принципы национальности как высшей точки развития, немецкого языка, как «праязыка»; от немецких «Тугенбундов», родившихся в борьбе

⁴⁷ См.: Настольная книга для народа. Под редакцией И. П. Хрущева. В четырех отделах. Трудami и средствами Издательского Общества при постоянной комиссии народных чтений. Санкт. – Петербург. Типография А. Катанского и Ко. (Невский пр., д. № 132). 1891.

⁴⁸ Цимбаев Н. И. Россия и русские (Национальный вопрос в Российской империи) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993. № 5. С. 27.

⁴⁹ Фурман Д. Е. Великое русское государство – идея-ловушка // Фурман Д. Е. Наша странная революция. – М., 1998. С. 24.

⁵⁰ Хотя Новалис считал, что это произошло много раньше, что в результате становления протестантизма «религия вопреки своему существу была замкнута в государственных границах, и таким образом была заложена основа, позволяющая постепенно похоронить религиозно-космополитический интерес» (Новалис. Христианство, или Европа. С. 137).

с Наполеоном, когда было необходимо обоснование политического объединения Германии, поскольку, как пелось в песне, «Германия превыше всего»⁵¹. Но родился национализм не в Германии.

Европейский национализм стоил московской ксенофобии. Россия не была нацией, а сразу из бурного многоэтнического варева вырастает как империя. Империя, в которой созревают и просыпаются нации. И в этом отличие от Империи США, где нации не самоопределяются, а сливаются в некую имперскую нацию – американцев, ибо составлены из приехавших туда вполне отчетливых национальных обществ. Россия была совсем на другом уровне национального самосознания. Русский народ до Первой мировой еще не ощущал себя единой нацией, определяя себя как тамбовских, калужских, «пскапских» (так, к примеру, в раннем советском фильме «Мы из Кронштадта»). Сошлюсь на точку зрения современного исследователя – Дениса Драгунского: «Слово “русский” на самом деле молодое. Оно от элиты спускалось к народу очень долго. <...> Если князь Игорь и певец о его полку говорили: “О Русская земля! Уже ты за холмом”, то еще в XIX в. были псковские, смоленские, а также демидовские. А также были чичиковские и коробочковские, а в основном – местные, как и во всем мире, кстати говоря, во всех переписях примерно до 80-х годов XIX в. 80 % населения на вопрос “кто вы?”, отвечали: “мы тутошние”, мы тут живем – и все»⁵².

Г. П. Федотов в своем знаменитом рассуждении о свободе отказал Французской революции в праве претендовать на введение этого понятия в европейскую жизнь: «Трудно понять, каким образом Великая французская революция могла считаться колыбелью свободы. Так думают люди, для которых ярлыки и лозунги важнее подлинных исторических явлений. <...> Революция нашла в старом режиме, вместе с устаревшими привилегиями и неоправдываемым уже гражданским неравенством многочисленные островки свободы: самоуправление провинций, независимость суда (парламентов), профессиональные корпорации, университет. Она уничтожила все это»⁵³. Для русских эмигрантов, таких как Бунин и Федотов якобинцы казались прямыми предшественниками большевиков и чекистов. Как известно, термин «нация» был введен в широкий политический оборот Великой Французской революцией. Национализм, рожденный в эти годы, по своей сути был противоположен духу Европы, которую Новалис называл христианским единством. Крушение монархии, которая была одновременно и защитницей христианской церкви, содействовало развязыванию антихристианских страстей, гонений на священников и церковь⁵⁴. Стоит напомнить фразу Вольтера о христианской церкви, вошедшую в общественный обиход: «Раздавите гадину»⁵⁵. Великая Французская революция, начав преследование христианской религии, практически провозгласила принцип национализма. Об этом, как о предвестии тоталитаризма XX века, писала Ханна Арендт: «Французская революция соединила Декларацию прав человека с требованием национального суверенитета. Одни и те же основные права были одновременно провозглашены и как неотчуждаемое достоинство всех людей и как особенное наследие определенных наций; одну и ту же нацию разом объявляли и подчиненной законам, кои предположительно вытекали из этой Декларации, и суверенной, т. е. не связанной никаким всеобщим законом и не признающей ничего высшего

⁵¹ “Deutschland, Deutschland über alles”.

⁵² Самоидентификация россиян. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Вып. 23. М.: Никитский клуб, 2005. С. 23.

⁵³ Федотов Г. П. Рождение свободы // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. В 2-х тт. Т. 2. СПб.: София, 1992. С. 270–271.

⁵⁴ Де Токвиль писал: «Одним из первых шагов французской революции была атака на церковь, а из всех порожденных революцией страстей страсть антирелигиозная первой была воспламенена и последней угасла. Уже после того, как иссяк энтузиазм свободы, уже после того, как люди были принуждены покупать свое спокойствие ценой рабского смирения, бунт против религиозных авторитетов еще не успокоился. Наполеон, сумевший победить либеральный гений французской революции, предпринимал напрасные усилия, чтобы укротить ее антихристианский гений» (Токвиль Алексис де. Старый порядок и революция. М., 1997. С. 13).

⁵⁵ Не забудем о бешеном антисемитизме Вольтера.

над собой. Практическим результатом этого противоречия стало то, что отныне права человека были защищены и упрочены только как национальные права и что сам институт государства (чьим высшим назначением было оберегать и гарантировать человеку его права как человеческой личности, как гражданину и как представителю национальности) потерял свой юридический, рациональный облик и мог быть истолкован романтиками как туманное воплощение “национальной души”, которую сам факт ее существования ставил вне или над законом. Соответственно “национальный суверенитет” терял первоначальный дополнительный оттенок своего значения как “свободы народа” и окутывался псевдомистической атмосферой беззакония и произвола»⁵⁶

⁵⁶ *Арендт Ханна. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. С. 317.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.